

Прошло еще двое суток; два дня ставшей уже привычной работы и две ночи с Фаррой. К неудовольствию Романа, он не узнал ничего нового: Фарра предпочитала действовать, а не говорить. Он решил, что не стоит торопить ее. Плод был сорван, он уже наслаждался его вкусом и, рано или поздно, доберется до сердцевины. Истекла третья неделя его пребывания в эстарде Шод, и судьба, вероятно, решившая, что Роман наломал достаточно камня во славу Меота, поспешила подстегнуть события. Утром, когда рабов строили во дворе по группам и бригадам, чтобы развести на поля, в ближайшие карьеры, к мельницам и оросительным каналам, перед воротами раздалась звонкая трель рожка. Затем по плотно убитой земле затопотали копыта лошадей, и под арку попарно въехали шесть амазонок в великолепном убранстве. Собственно говоря, вооружение их было самым обычным, но белые, горделиво выступающие кони, сверкающие серебром бляхи уздечек, султаны из белых перьев на шлемах и расшитые золотом белые плащи создавали ощущение праздника. За ними появились двое мужчин на смиренных кобылках и еще такой же отряд из полудюжины воительниц. Видимо, это был почетный эскорт, и не приходилось сомневаться, чей именно.

Юнец в таком же бело-золотом убранстве, как и его охранницы. Он плавно покачивался на спине своей лошадки, длинные каштановые кудри свисали до лопаток, короткая туника, стянутая золотым поясом, обнажала загорелые ноги в щегольских сапожках. У него не было ни оружия, ни иных знаков власти, но по тому, как склонились головы стражей эстарда Шод, разведчик понял, что посетитель, несмотря на молодость, является важной птицей. Его спутник был одет гораздо скромнее, в темную тогу и серый плащ; на вид ему было порядком за шестьдесят.

Роман смотрел на них во все глаза; то были первые мужчины Меота, которых он удостоился лицезреть. Итак, смазливый мальчишка лет восемнадцати и старик; по виду - патриций и ученый. Что же им тут надо? Перебирая в голове свои беседы с Патом, Патролом и Кассом, а также все, что удалось выведать у Фарры, разведчик лихорадочно пытался определить причину высокого посещения. Это было важно, очень важно! Он просидел в эстарде уйму времени, и не должен потерять свой шанс!

Однако никто из его информаторов не утверждал, что Шод мог чем-нибудь привлечь особое внимание мужчин-меота или привлекал такое внимание в прошлом. Все, что Роман сумел припомнить, относилось к одежде и убранству гостей. Кажется, Фарра говорила, что голубое с золотом - царские цвета; белое с золотом - цвета наследника... местного принца... Как его имя?.. Вроде бы Тархион... Неужели он сам пожаловал сюда? Или кто-то из его придворных?

Сомнения Романа быстро разрешились. Одна из амазонок постарше, высокая женщина с отметиной от стрелы на предплечье, выступила вперед и отсалютовала мечом.

- Пусть будет с тобой благословение Сата-Прародителя, господин мой Тархион...

- И с тобой тоже! - юноша легко соскочил на землю. Его пожилому спутнику придержали стремя и вежливо помогли сойти. Воительницы в бело-золотом тоже спешили, снимая шлемы, и у Романа замерло сердце - одна из них была той самой лучницей, что доставила его в эстард Шод три недели назад. Где же рослый копьеносец? Лица этой женщины он тогда не видел, но разыскать ее не составило труда. Она оказалась выше всех в отряде стражей крупная брюнетка с суровым лицом, не лишенным, однако, своеобразной красоты. Роман дал бы ей лет двадцать восемь и, приглядевшись к ее властным жестам, понял, что она командует охраной.

Сейчас эта амазонка о чем-то тихо толковала со старшими женщинами эстарда Шод. Принц Тархион с любопытством озирался по сторонам; он явно был нечастым гостем в подобных местах. Старец в сером стоял неподвижно, его спокойное суховатое лицо с седыми кустиками

бровей и бритым подбородком показалось разведчику добродушным. Этот пожилой джентльмен чем-то неуловимо напоминал Евгения, что сразу внушило Роману симпатию.

Одна из воительниц, стражей эстарда, медленно двинулась вдоль строя рабов. Здесь были только мужчины, три с половиной сотни человек; девушки уже сидели в мастерской за ткацкими станками.

Внезапно амазонка, требуя внимания, подняла руку.

- Роман! Роман из Альбы, работающий в каменоломне, сюда!

Разведчик вздрогнул. Похоже, о нем вспомнили! Кто? Почему?

Отодвинув плечом стоявшего впереди Пата, он вышел из шеренги.

- Я - Роман из Альбы.

- Туда! - амазонка показала в сторону прибывших, стоявших слева от входной арки. - И держи себя почтительно, варвар, если не хочешь попасть на рудники! - она отступила в сторону, опять подняв руку, и группы рабов послушно потянулись к воротам. Роман зашагал туда, куда его послали.

Он остановился перед принцем и отвесил поклон; затем так же вежливо склонил голову перед старцем. После этого мужчины его больше не занимали; он пожирал глазами молодую лучницу с карими глазами. Фарра была очаровательной девушкой, но эта... Такие красавицы встречались Роману Гилеву не часто, а он знал толк в женской красоте!

- Этот? - принц повернулся к рослой предводительнице отряда.

- Да, сын Сата... - она поискала взглядом свою подругу. - Я ведь не ошибаюсь, Гралия?

Гралия! Ее зовут Гралия!

- Не ошибаешься, Кавасса. Только тогда он был совсем голым и без этой бороды.

Голос ее звенел, как серебряный колокольчик.

Старшая амазонка повернулась к принцу.

- Мы обе узнали его, господин.

- Хорошо, - юноша внимательно оглядел могучую фигуру пленника - не скрывая своего интереса. Роман про себя возликовал, предчувствуя, что ворота эстарда Шод вскоре навсегда закроются за его спиной.

- Почтенный Лартак, - принц благосклонно кивнул старику, - ты можешь расспросить этого человека.

- Благодарю, сын Сата, - Роман уже второй раз слышал это выражение и догадался, что так положено титуловать наследника. Старец меж тем шагнул вперед и, протянув руку, положил ее на плечо разведчика. Долгую минуту он всматривался в его лицо и глаза, затем удивленно покачал головой: - Никогда не видел таких людей... Откуда ты, юноша?

- Я давно уже не юноша, досточтимый отец мой, - ответил Роман, - но спасибо, что ты назвал

меня так. Ведь всем хочется подольше сохранить молодость, хотя не каждому это удастся.

Старик, пораженный, отпрянул; глаза принца весело сверкнули, а девушки из его охраны подошли поближе. Теперь Гралия стояла в трех шагах от Романа, рядом со своей рослой подругой. Она тоже была высокой, но все-таки дюйма на три пониже Кавассы.

- Никогда не слышал таких речей от варвара с севера! - воскликнул Лартак. - А уж я-то повидал их немало!

- Удивительное дело, - заметил Роман с улыбкой, - в моей стране считают варварами тех, кто живет на юге и востоке. Может быть, почтенный мудрец, - он снова склонил голову, - пришла пора вспомнить, что мы оба люди? Просто люди, не так ли?

- Конечно, ты прав, чужеземец, - старик медленно кивнул. - Мы оба люди, а не дикари, не способные связать двух слов ни на меотском, ни на своем родном языке. Я вижу, ты - умудренный опытом и жизнью муж, и я читаю в твоих глазах спокойствие и честность. Скажи, как же ты попал в нашу землю?

Улыбнувшись, Роман поздравил себя с успехом. Этот старец явно относился к клану местных умников, любителей поболтать об устройстве мира и вселенной, о нравственных проблемах, о философском камне и четырех вечных стихиях - словом, о королях и капусте. Таких людей было нетрудно подцепить на крючок, и Роман, послав еще одну ласковую улыбку прелестной Гралии, забросил удочку.

- Я попал в плен на галеру осролатов, и когда мне там надоело, решил высадиться на берег.

Осролат был одной из Древних Стран, что лежали на юге, за морем; государство купцов и торговцев, чьи суда и караваны колесили по всему свету. Об этом Роману рассказывала Фарра.

Лартак нахмурился.

- Не припомню, чтобы за последний месяц корабли осролатов приближались к нашему побережью, - произнес он.

- Это судно шло в Райну, на восток, - заметил Роману. - Мы миновали Меот в ночную пору в двадцати фарсатах от суши.

- Двадцать фарсатов! - это было около десяти километров. Ты хочешь сказать, что проплыл ночью двадцать фарсатов?

- Конечно! - разведчик пожал плечами. - Что здесь такого? Море было спокойным.

Он покосился на Гралию и опять улыбнулся ей, заметив, что Кавасса грозно нахмурила брови. Ревнует? Или боится, что он соблазнит самого прелестного стрелка из ее взвода?

- Я полагаю, что это утверждение легко проверить, - вдруг произнес юный Тархион - Меотский залив как раз шириной в двадцать фарсатов.

- Чтобы доставить тебе удовольствие, сын Сата, я готов переплыть его два раза, - произнес Роман, и он действительно мог это сделать.

Тархион окинул его задумчивым взглядом.

- Возможно, ты доставишь мне удовольствие, чужеземец... но несколько иным путем.

Старик поморщился.

- Ладно, ладно, мой господин! Я уже готов согласиться, что сильный человек способен одолеть за ночь такое расстояние! - Он повернулся к Роману. - Но какова цель твоих странствий? Или ты попал в плен во время войны?

- Нет. Я отправился в путь, чтобы обрести новое знание.

- Знание? Это интересно. Какое же?

Роман широко развел руки, словно хотел охватить весь сияющий небосвод, а потом соединил их перед грудью, уцепившись за воображаемое удище.

- Мудрецы моей страны, много лет спорят о форме мира, в котором живем мы все - и люди Альбы, и меоты, и айталы, эндасцы и райниты, и все прочие народы и племена.

- Да, это вопрос вопросов. - Лартак кивнул. - Большинство древних и современных философов полагает, что мы обитаем на огромном диске, выпуклом и круглом. Но вот насчет того, что находится под нами, существует множество разных мнений.

Рыбка была готова проглотить крючок

- Некоторые мудрецы Альбы полагают, что наш мир подобен не диску, а сфере, вращающейся вокруг солнца. - Роман надеялся, что его не сожгут за эту крамольную мысль, как Джордано Бруно.

Лартак, пораженный, отпрянул.

- Сфере? Но что может удержать ее от падения?

Так! Теперь можно было подсечь добычу!

- Если мы возьмем сосуд, наполненный водой, и начнем вращать его на веревке, вот так, - Роман сделал быстрое движение над головой, - то на землю не прольется ни капли, верно?

- Да, - старец кивнул, - некая сила удерживает воду в сосуде. Я понимаю, что ты хотел сказать, странник... Однако, где же веревка, которая связывает наш мир с небесным огнем?

Роман, совсем расхрабрившись, послал Гралии самую обольстительную из своих улыбок. Щека Кавассы нервно дернулась.

- Может быть, мы просто не видим ее, эту веревку? - он пожал плечами. - Во всяком случае, проверить утверждение мудрецов совсем несложно.

- Но как, сын мой?!

Рыбка, трепыхаясь, уже лежала на берегу.

- Я вышел из Альбы, оттуда, - Роман показал на северо-запад. - И если я буду все время идти туда, - теперь он вытянул руку на юго-восток, где за морем лежала Райна, - то рано или поздно вернусь на родину. Или дойду до края диска и выясню, что поддерживает его снизу.

Сей проект явно поразил Лартака, он всплеснул руками, повернулся к принцу и взволнованно сказал:

- Этого человека надо забрать в Голубой Дворец, мой господин! Я уже не сомневаюсь в его знаниях и многое бы дал, чтобы поговорить с ним пообстоятельней!

Столпившиеся вокруг амазонки внимали беседе двух мудрецов в почтительном молчании, но тут внезапно раздался голос суровой Кавассы, похоже, улыбки, которые Роман расточал ее подруге, вывели воительницу из себя.

- Этот человек - лжец! - резко заявила она, шагнув вперед. - Когда мы нашли его на лугу, он сказал, что является воином! Что его дело убивать! А теперь, перед лицом сына Сата и досточтимого Лартака, он представился искателем знания! Я думаю, что он не больше разбирается в этих делах, чем в настоящем воинском искусстве. Лжец и мошенник! Шпион с хорошо подвешенным языком, посланный к нам врагами!

Этой женщине не откажешь в проницательности, подумал Роман; за исключением мелких деталей, она совершенно правильно описала ситуацию. Он нахально улыбнулся Гралии и состроил ей глазки.

- Я воин и странник, - подтвердил он, - и в моих словах нет противоречия. Ведь каждому ясно - только сильный и опытный боец может совершить странствие вокруг мира. Это совсем не такое безопасное путешествие, как представляется почтенной Кавассе... - Роман помолчал, пренебрежительным взглядом меряя фигуру рослой воительницы. - Что касается моего воинского искусства, то испытать его гораздо проще, чем переплыть Меотскую бухту.

Кавасса оказалась деловой женщиной. Сунув свой шлем ближайшей амазонке, она сбросила плащ на руки другой и спросила:

- Сейчас и здесь?

- Сейчас и здесь, - подтвердил Роман, подмигнув Гралии. Кареглазая красавица состроила возмущенное лицо, но казалась явно заинтересованной.

- Ты позволишь, господин мой? - Кавасса склонилась перед принцем. Наша обычная игра... харайя... Он останется жив, разве что потеряет каплю-другую крови.

Лартак недовольно сморщился, но его юный господин успокоительным жестом коснулся плеча старика.

- Ничего страшного, наставник. Всего лишь маленькое развлечение... Давай договоримся так: если этот человек из Альбы проиграет, я дарю его тебе; если выиграет - я освобожу его и заберу в свою свиту. Ты знаешь, на что способна Кавасса: сто к одному за то, что чужестранец достанется тебе.

- Иногда мы сами ведем себя как дикари, - пробурчал старик и велел Роману: - Сними тунику, странник. - Когда тот остался в одной набедренной повязке, мудрец пояснил: - Харайя - воинское состязание на мечах до четвертой крови. Выигрывает тот, кто первым процарапает два креста на плечах противника... тут и тут... - он показал. - Постарайся, чтобы Кавасса не проколола тебя насквозь, Роман из Альбы, иначе вместо занимательных бесед тебя ждут лекарства и постель.

Разведчик ухмыльнулся; он предпочел бы постель, если б там его ждала очаровательная пышнокудрая Гралия. Старый Лартак, несмотря на всю свою мудрость, не мог конкурировать с ней. Повернувшись, он посмотрел на Кавассу, уже сбросившую панцирь и подкольчужную тунику.

Зрелище было внушительным. Женщина была ниже его на пару дюймов, но почти с такими же длинными руками и великолепно развитой мускулатурой. Тело ее, однако, сохраняло округлость женских форм; она походила на тех великолепных девушек, шедевр культуристского искусства, которые ухитрялись накачать могучие мышцы, не потеряв при этом женской соблазнительности. Роман иногда любовался их фотографиями в спортивных журналах, но в жизни ему такие экземпляры до сих пор не попадались.

Взяв меч у одной из подруг, Кавасса протянула его Роману.

- Держи, варвар... Сомневаюсь, что ты когда-нибудь видел такой, - тон ее был пренебрежительным.

Роман двумя руками принял оружие. Клинок был шириной в два пальца, прямой, довольно легкий и гибкий, длинный – около метра. Великолепная кавалерийская рапира, обоюдоострая и заточенная, как бритва! По лезвию бежал характерный волнистый узор, как у дамасского булата. Разведчик восхищенно покачал головой; когда-то в университете он готовился к карьере инженера-металлурга и теперь отлично представлял, что держит в руках.

- Этот клинок ковали из переплетенных прутьев - сталь и мягкое железо... - он обращался к Лартаку. - Хочешь, отец мой, я расскажу, сколько раз его нагревали в горне и охлаждали в воде и масле?

Старик вздрогнул и вцепился в локоть Тархиона.

- Ты слышал? Ты слышал, мой господин? - он отпустил принца и замахал на Романа руками: - Молчи! Молчи! Это тайна! Великая тайна нашего оружия!

- Тайна? От кого? - Роман улыбнулся. - Здесь же все свои. - Окинув взглядом взволнованно перешептывающихся амазонок, он протянул меч Кавассе. - Забери его. Видишь, я знаю, как делали этот меч, но не хочу им биться.

- Струсил? - она презрительно махнула рукой, и большие упругие груди с коричневыми сосками прыгнули вверх-вниз. Роман бросил на них заинтересованный взгляд; эта Кавасса была определенно недурна!

Он протянул руку к перевязи Гралии.

- Я хочу ее меч.

- Ее меч? - казалось, рослая амазонка поражена. - Но почему? Все клинки одинаковы!

- Нет. Я хочу получить меч из рук самой красивой девушки. Тогда я запомню, что этим клинком нельзя убивать. Знаешь, в ярости можно забыть про ваши игры...

Его взгляд был теперь холодным и полным угрозы. Невольно вздрогнув, Кавасса резко повернулась к подруге и приказала:

- Дай ему меч!

Гралия покорно протянула клинок; руки ее и Романа встретились на эфесе. Девушка, приоткрыв пунцовый рот, глядела на смуглого великана почти с мольбой. "Не вздумай убить ее" - говорил этот взгляд. "Ты сама сделаешь это, когда я прикажу" - ответили глаза Романа.

Он повернулся и пошел к площадке, где танцевали рабы. Земля там была плотной, хорошо утоптанной, и места, чтобы позвенеть мечами, вполне хватало. Амазонки потянулись следом. Впереди процессии важно выступал Тархион с блескующими от возбуждения глазами.

Посреди площадки Роман развернулся и несколько раз взмахнул клинком, проверяя балансировку. Великолепное оружие, опять подумал он. И красивое! Лезвие пестрело дымчатым узором, бронзовый эфес с чеканным орнаментом надежно прикрывал кисть, рукоять обтягивала тонкая шершавая кожа - пальцы не скользили по ее поверхности и, в то же время, ощущали надежную твердость стержня, в который был заделан клинок. В навершии рукоятки торчала бронзовая лошадиная голова прекрасной работы - раздутые ноздри, оскаленные зубы, летящая по ветру грива... Бронзовый разъяренный жеребец уставился ему в лицо крохотными изумрудными глазами.

Кавасса встала напротив, вытянув руки перед собой и чуть пригнувшись. Роман знал, что произойдет в следующий миг. Она имитирует атаку, потом перебросит меч в левую руку, и украсит его плечо первой царапиной. Его задача была сложнее; плечи женщины казались достаточно широкими, но ему не хотелось задеть кончиком клинка грудь. Тем более - сосок... Он вспомнил клятву, которую дал себе, спускаясь с утеса - в тот вечер, когда прибыл в новый мир и впервые увидел дворцы, рощи и поля Меоты, дремлющие под лучами закатного солнца. Он не хотел поднимать здесь оружие ради убийства; и, хотя время многое прояснило, и многое было совсем не так, как мечталось ему тогда, он собирался выполнить свое тайное обещание. Но игра с острыми клинками всегда опасна... и дело могло не ограничиться четырьмя царапинами на плечах.

Тархион взмахнул рукой:

- Сходитесь!

Кавасса сразу же нанесла стремительный укол. Роман быстро отступил в сторону и, в тот неуловимый миг, когда ее меч находился в воздухе, а пальцы раскрытой ладони уже готовились сомкнуться на эфесе, вытянул длинную руку и слегка ударил по чужому клинку. Возвратным движением его лезвие прочертило царапину на левом плече женщины - трехдюймовую и абсолютно ровную алую линию.

Выбитый меч воткнулся в землю у ног Кавассы. Она ошеломленно уставилась на раскачивающуюся рукоять, потом - на свои пустые руки; наконец, взгляд амазонки переместился на левое плечо. Она скрипнула зубами.

- Подними, - приказал Роман, сделав шаг назад. - И не думай, что имеешь дело с варваром, который умеет только махать топором и дубиной.

В темных глазах женщины вспыхнул опасный блеск. Вырвав клинок из земли, она прыгнула к сопернику, гибкая, сильная и опасная, как разъяренная тигрица; затем на разведчика обрушился шквал ударов.

Да, Кавасса отлично владела клинком! Она била из любого положения, с левой и правой руки, с убийственной точностью посылая меч в любую уязвимую точку тела. Конечно, больше всего ее интересовали плечи Романа, но разведчик понимал, что если он вовремя не защитит лицо или живот, то лишится глаза или еще более существенного органа. Парируя удары нападавшей амазонки, он, словно в танце, провел ее по кругу в центре площадки - раз, другой, третий.

Фехтовальное искусство в Меота оказалось явно на высоте; впрочем, этого можно было ожидать - мечи из булатной стали требовали умелых рук. К концу третьего круга Роман

выяснил, что его противница владеет всеми приемами боя, известными европейским мастерам. Уколы, финты, рубящие удары, защита - любой частью длинного клинка; дважды она ухитрилась поймать конец его лезвия в прорези фигурной гарды. Конечно, существовали кое-какие хитрости... столь же опасные для атакующего, сколь и для его противника.

Роман отразил очередной выпад, потом полоска дымчатой стали в его руке звонко ударила по мечу Кавассы, стремительно скользнула вдоль лезвия счастливо избежав капкана в чашке гарды, устремилась к правому плечу соперницы. На долю секунды его собственное плечо оставалось открытым, и он тут же ощутил резкую боль. Отпрянув, противники подняли мечи, меряя друг друга яростными взглядами; на плече темноволосой женщины багровел ровный вертикальный разрез, на коже мужчины - такая же сочившая кровью царапина. Может быть, не столь ровная, но к этому не имело смысла придирааться.

Зрительницы грохнули мечами о нагрудные пластины панцирей; оба бойца демонстрировали высокое и восхитительное искусство боя, которое могли оценить по достоинству лишь опытные глаза. Чужак выигрывал очко; но до конца схватки многое могло измениться.

Роман тоже так считал. Он весил фунтов на пятьдесят больше Кавассы, и в этом танце-поединке преимущество постепенно оказывалось на ее стороне. Он начинал уставать и чувствовал, как на лбу выступает испарина; ее же движения были по прежнему гибкими и стремительными. Теперь он был уверен, что не сумеет измотать амазонку - а в этом бою скорость значила гораздо больше грубой силы. Роман не сомневался, что может зарубить ее; вряд ли бы ей удалось отразить мощный рубящий удар, нанесенный мужской рукой. Однако смертоубийство не входило в условия игры, которая стала теперь гораздо сложнее. Ему осталось нанести две горизонтальные царапины - точно посередине вертикальных. И при этом не рассечь ей горло и не задеть груди! Пожалуй, это можно было бы сделать, если забыть о защите... Но тогда и ему гарантированы два удара! Победа же со счетом четыре-три разведчика не устраивала.

Он вспомнил слова Киплинга - о том, что Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда. Для него, профессионального бойца, в этой сентенции заключался глубокий смысл: там, где Запад брал свое силой оружия, пулеметным свинцовым дождем, Восток предпочитал использовать силу духа. И в мирах Измерения Икс таинства восточных единоборств оказывались куда полезней грубой мощи огнестрельного оружия, оставшегося за чертой земной реальности.

Вперив взгляд в темные зрачки Кавассы, Роман начал произносить про себя боевое заклинание кэмпо:

"У меня нет родителей

моими родителями стали Небо и Земля.

У меня нет очага

Единое Средоточие станет моим очагом,

У меня нет божественного могущества

честность станет моим могуществом..."

Кавасса сделала шаг вперед. На миг память Романа взорвалась воспоминанием: сухое бесстрастное лицо сенсея, его гонконгского наставника; рука, перевитая сталью жил,

поправляющая пальцы ученика на рукояти катаны; блеск изогнутого японского меча... Он не часто практиковал тот психофизический прием, который назывался цуки-но кокоро - "дух, подобный луне"; однако Кавасса была достойным противником и слишком красивой женщиной, чтобы вскрыть ей ненароком вены одним из грубых ударов европейской фехтовальной школы.

"У меня нет волшебной силы

внутренняя энергия - моя магия.

У меня нет ни жизни, ни смерти

вечность для меня жизнь и смерть.

У меня нет тела

смелость станет моим телом.

У меня нет глаз

вспышка молнии - мои глаза..."

Кавасса приближалась, с подозрением вглядываясь в лицо соперника, замершего в каком-то странном трансе. Дышит ли он или уже превратился в камень?

"У меня нет замыслов

случай - мой замысел.

У меня нет оружия..."

Кавасса подняла свой меч; утреннее солнце отразилось в стальной поверхности огненным всполохом.

"У меня нет меча

растворение духа в Пустоте

вот мой меч!"

Выпад! Звонко лязгнули клинки; потом один взлетел высоко вверх, к самому небу, другой мелькнул со скоростью змеиного жала. Вскрикнули потрясенные зрители, раздался чей-то жалобный стон, и Кавасса, покачнувшись, отступила назад, прикрывая ладонями кровавые кресты на плечах. Роман поймал за рукоять выбитый у нее меч и с поклоном протянул его темноволосой амазонке.